

УДК 947(571)+340.01 (09)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.19>

**«Праздники мы провели, как обычные дни, тихо
и в заботах. Я ездил в библиотеку»:
организация интеллектуальной деятельности юристов
второй половины XIX – начала XX в.**

И. Г. Адоньева

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

Аннотация. Рассматривается организация интеллектуального труда, связанного с созданием юристами научных и научно-публицистических текстов, что дает возможность уточнить обстоятельства их написания. На основании анализа мемуарного наследия изучаются такие составляющие профессиональной интеллектуальной деятельности, как работа в российских и европейских библиотеках, дома, а также общение с близкими коллегами на профессиональные темы. Профессиональный труд интеллектуалов в указанный период обладал как «идеальными» чертами, связанными с потребностью в нем самом, так и порожденными необходимостью получать за него вознаграждение, что сказалось на его организационной структуре.

Ключевые слова: история России XIX в., интеллектуальная деятельность, научная работа, периодическая печать, юристы, мемуары.

Для цитирования: Адоньева И. Г. «Праздники мы провели, как обычные дни, тихо и в заботах. Я ездил в библиотеку»: организация интеллектуальной деятельности юристов второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 27. С. 19–26. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.19>

Изменения в социально-профессиональной структуре Российской империи, начавшиеся с середины XIX в., были одновременно и результатом, и предпосылкой модернизационных процессов. Интеллектуальная деятельность в разных ее вариантах, в том числе направленная на получение прибыли, стала значимым фактором жизни общества. Она могла изменить статус человека, повлиять на материальное состояние, повысить авторитет. В сочетании с динамичным развитием науки и образования, периодической печати, с расширением возможностей для общественной инициативы умственный труд высокого уровня перестал быть приложением к основной деятельности и постепенно становился самостоятельным.

Одновременно происходила серьезная трансформация, связанная с изменением значения права в жизни общества. Внимание к юридическому образованию, проявившееся со времен правления Николая I, судебная реформа 1864 г., стремительное развитие гражданского оборота как результат комплекса либеральных преобразований привели к тому, что традиция утрачивала свои возможности в качестве способа регулирования обще-

ственных отношений. На смену ей приходило право в лице его носителей – профессиональных юристов. Применительно к поставленной проблеме объектами нашего внимания становятся представители юридической интеллектуальной элиты, наиболее приближенной к научной и политической элите [1]. Имея политические убеждения широкого спектра, с одной стороны, объединенные идеалами служения закону – с другой, они стремились (по разным причинам) к тому, чтобы образованное общество было знакомо с их суждениями по поводу прошлого и настоящего сферы юстиции России и зарубежья.

Если результаты интеллектуальной деятельности «властителей дум» пореформенной России попадали и попадают в поле зрения историков, то сам процесс создания текстов остается зачастую без внимания. Однако необходимо учитывать условия, в которых протекала умственная деятельность и которые способствовали созданию научных и публицистических трудов. Большинство исследователей, обращавшихся к организационной стороне профессиональной деятельности интеллектуалов, рассматривали ее с точки зрения трудовой повседневности, однако единицы обосновывали данный подход. Современные историки, трактуя понятие повседневности в рамках, отвечающих задачам конкретной работы, пришли в целом к сходным выводам. Н. Н. Никс, посвятив повседневной жизни московской профессуры главу в монографии, рассматривает в качестве ее параметров материальное положение, межличностные отношения и мировоззренческие проблемы [5]. Л. А. Сазонова (Бушуева) заострила внимание на таких элементах повседневности профессоров Казанского университета, как трудовая деятельность, межличностные отношения, особое восприятие времени [7]. Авторы пришли к заключению, что личная и социальная жизнь университетских преподавателей была выстроена вокруг научной деятельности, однако не были конкретизированы особенности ее организации. Подчеркивая связь профессионального, социального и частного в жизни профессуры, исследователи зачастую «разделяли» по этим сферам и научную работу. Поэтому целью настоящей статьи является выявление на примере юристов особенностей организации интеллектуальной деятельности, связанной, прежде всего, с созданием научных трудов и научно-публицистических текстов.

Теоретической основой настоящей статьи является концепция интеллектуальной культуры в той ее части, которая изучает интеллектуальную деятельность, ее условия и поддерживающие институты. Как заметила Л. П. Репина, условия интеллектуальной деятельности являются ее значимым элементом, без которого крайне сложно понять культуру соответствующей эпохи [6, с. 9]. Согласно Е. А. Бондаренко, интеллектуальный труд представляет собой институализированную форму целесообразной умственной деятельности человека [2]. В Новое время его результаты превратились в специфический товар. Ряд особенностей этой деятельности: производство «идеального» продукта, не только материальная заинтересованность в труде, но и внутренняя, порой иррациональная, мотивация, потребность в публичном обсуждении результатов – дают основания выделить и

рассмотреть особенности ее организационной структуры. В качестве составляющих интеллектуальной деятельности, принципиально влияющих на ее результат, выявлены работа в библиотеках, неформальное общение в дружеском кругу на профессиональные темы, работа дома. Именно эти элементы выделялись самими юристами как необходимые для качественного и продуктивного труда.

Источниками для данной работы являются опубликованные и неопубликованные мемуары В. В. Берви-Флеровского, М. М. Ковалевского, Б. Н. Чичерина, И. И. Янжула и дневники К. К. Арсеньева и Л. А. Камаровского. При явной тенденциозности неоднократно привлекаемого историками текста В. В. Берви-Флеровского «Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III» в нем имеется немало ценных сведений, связанных с возможностями и особенностями исследовательской работы в рамках служебной деятельности, когда он придавал черты научных трудов запискам и отчетам. Воспоминания Б. Н. Чичерина, М. М. Ковалевского и И. И. Янжула созданы в традиционном для «мемуарного бума» конца XIX – начала XX в. стиле. Интеллектуальная деятельность является стержнем этих текстов, вокруг которого авторы и рефлексиируют по поводу своей биографии. Ценность дневников К. К. Арсеньева и Л. А. Камаровского заключается, во-первых, в их непрерывности на протяжении длительного времени (Арсеньев вел дневник с 1855 по 1896 г., Камаровский – с 1873 по 1907 г.). Именно в ежедневных записях наиболее полно раскрылась организация работы авторов, связанная с созданием научных трудов и статей.

Работа в библиотеках являлась необходимой составляющей интеллектуального труда. Полученная в семье привычка к вдумчивому чтению находила продолжение во время учебы, что описал Б. Н. Чичерин: «Библиотеки профессоров всегда были открыты для студентов, которых профессора сами побуждали к чтению, давая им книги и расспрашивая о прочитанном» [9, с. 154]. В. В. Берви-Флеровский, обращаясь к вопросу о библиотеках и их роли в подготовке и профессиональной деятельности юристов, демонстрировал свое критичное отношение к Николаю I: «В петербургской публичной библиотеке отдел для книг юридического и социального содержания находился в умышленном запущении» [8, с. 7]. Отсутствие в библиотеке Харьковского университета соответствующего его пожеланиям фонда заставило мемуариста отказаться от предложения занять там кафедру. Возможность знакомиться с редкой и новой литературой была для чиновника Министерства юстиции важнее места в университете: «Благодаря либерализму Делянова, бывшего тогда директором публичной библиотеки, я получил, помимо читальной залы, свободный доступ в залы библиотеки, где мог беспрепятственно пользоваться как запрещенными книгами, так и теми изданиями, которые по дороговизне своей были недоступны для частного лица» [8, с. 118–119]. Для большинства мемуаристов посещение библиотеки родного города было в целом обыденным явлением. Больше внимание они уделяли описанию работы в европейских книгохранилищах. Этот этап был значимым для будущей профессуры. Вокруг библиотеки Британского музея вы-

строены воспоминания И. И. Янжула, связанные с Англией. Ради работы в «книжной сокровищнице» он с женой провел в Лондоне в общей сложности несколько лет, ведя предельно аскетичный образ жизни. Попытка писать диссертацию в менее дорогом с точки зрения расходов на жилье и питание Мюнхене не увенчалась успехом: наличие более удобной комнаты, более сытной и здоровой пищи за меньшие средства не могли компенсировать отсутствия литературы и источников, которые были доступны в Лондоне [11, с. 140–144]. Проводя с супругой в читальном зале ежедневно 5–8 часов (в зависимости от продолжительности светового дня), общаясь с коллегами из разных стран, Янжул собрал обильный материал для диссертаций и статей в периодических изданиях.

М. М. Ковалевский также отметил как имевшую решающее значение работу с источниками и литературой в Европе: «Почти ежегодное пребывание в Париже в течение 2–3 весенних и осенних месяцев было занято посещением библиотеки и Центрального Архива. Первый том “О происхождении современной демократии” почти всецело построен на тех частью рукописных, частью печатных данных, которые собраны были мною в течение долгих часов, проводимых по утрам то на “площади Валуа”, на которой возвышается здание “Национальной библиотеки”, то на улице “свободных буржуа”, где расположен дворец “Центрального архива”» [3, с. 247]. Он имел возможность не беспокоиться о поиске недорогого жилья и питания, позволяя себе сочетать интеллектуальный поиск с приятным проведением времени.

Общение в дружеской обстановке также являлось неотъемлемым элементом труда интеллектуалов, поскольку характер среды оказывает на труд существенное влияние. На это обратил внимание Р. Коллинз, отметив, что для интеллектуалов важно наличие единомышленников, соперников и учеников, формирующих сообщество [4, с. 52]. Потенциал дневника К. К. Арсеньева в части круга общения петербургской интеллигенции является практически неисчерпаемым. Почти ежедневно юрист, ставший постоянным сотрудником «Вестника Европы», упоминает либо о гостях, либо о собственных визитах к единомышленникам. Они проводили время в длительных разговорах, посвященных как обсуждению острых социально-политических вопросов, так и менее дискуссионным темам, что в итоге способствовало появлению новых суждений, воплощавшихся в научных или публицистических текстах.

Много общих черт выявляется при рассмотрении данного вопроса в воспоминаниях М. М. Ковалевского и И. И. Янжула. Ковалевский отмечал, что искренняя дружба и взаимное уважение имели далеко идущие последствия: «Я постепенно завязывал сношения с людьми, с которыми впоследствии открылась возможность действовать заодно и в университете, и вне его стен. Они стояли в центре того умственного и общественного движения, которое ставило себе задачей сближение с народом, тесное знакомство с его бытом, усиленное удовлетворение его нужд и, одновременно, воспитание руководящих кадров в сознании их долга перед рабочей и крестьянской средой» [3, с. 203]. Это общение было включено в повседневную жизнь, когда вне университета решались вопросы науки, преподавания и публицистики:

«Посещение салонов было для нас сравнительной роскошью. Мы чаще сходились друг у друга: у Янжула по воскресеньям, у меня, если не ошибаюсь, по четвергам. Вернее сказать, это были не дни, а вечера, начинавшиеся поздно и заканчивающиеся далеко за полночь. Вечер не заканчивался, а только прерывался ужином. Многие приезжали прямо к нему, и начинавшаяся за ним беседа длилась иногда до трех часов утра» [3, с. 229]. Фактически это был круг, который составлял ядро Юридического общества, что можно заметить по дневнику Л. А. Камаровского: «Вечером собрались у меня товарищи по факультету: Карасевич, Боголепов, Муромцев, Чупров, Янжул, Дроздовский»¹. Тем сильнее было затем потрясение бывших соратников, когда по распоряжению М. В. Боголепова Юридическое общество при Московском университете прекратило деятельность. Камаровский отказывался верить С. А. Муромцеву, Ковалевский в воспоминаниях перечислял, как коллеги шли навстречу административным талантам будущего министра, закрывая глаза на недостаточный уровень научной квалификации, старались поддерживать его материально [3, с. 232–233].

Одной из самых серьезных составляющих деятельности юристов была работа в городской квартире, имении или на даче. Она задавала ритм жизни семьи как один из источников дохода. К. К. Арсеньев скрупулезно фиксировал в дневнике свой график: «Пятница, 12 октября. Встал рано. Читал газеты и сборник «Недели». Начал статейку о книге М. Ковалевского для ноябрьского «Литературного обозрения»². Практически каждый день автор отмечал, что занимался «Внутренним обозрением» усердно. Дневник Арсеньева можно назвать его рабочей хроникой: он отмечал прочитанные книги, написанные статьи, этапы работы в «Вестнике Европы». Семье, находившейся за стенами домашнего кабинета, уделено сравнительно немного внимания, за исключением экстраординарных случаев (рождение ребенка, болезнь). Принципиально по-иному выстроен дневник Л. А. Камаровского, в центре которого находится семья, в том числе и потому, что его супруга, как и жена сокурсника и друга И. И. Янжула, была включена в работу как секретарь и переводчик: «В это время я написал довольно большую статью «Первое трехлетие института международного права. 1873–1876». Первую ее половину (75 с.) я начал в Спасском 1 августа и кончил там уже 18 сентября. Она напечатана в «Русском вестнике» (ноябрь). Вторую половину (116 страниц) я начал писать здесь (с 2 октября по 16 ноября). Она все еще печатается. Катюша обе переписала мне. Одновременно с этим появилась в печати и другая моя статья по русской литературе международного права»³. У Камаровского был очень высокий темп работы, но он подводил итоги, когда имелся конкретный результат: «В течение этого лета я, слава Богу, поработал несколько, но вследствие болезни детей (брюшной тиф. – И. А.) сделал значительно менее того, что предполагал. Я написал две хроники для журнала Симсона (июль-август) и для “Cosmopolis”. С последним я опоздал, пообещав

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337. Оп. 1. Д. 87 (2). Л. 98.

² РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 27. Л. 135.

³ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 82 (2). Л. 139.

щав к 1 июля. В оба журнала я должен готовить по хронике в год»⁴. И. И. Янжул в сюжетах своих воспоминаний, связанных с научной и публицистической работой, отмечал и поддержку со стороны семьи в ее организации, и влияние личной жизни на интеллектуальную деятельность. Для окончания магистерской диссертации он уединился в доме родителей супруги во Ржеве, что очень выручило молодую семью в условиях прекращения выплаты стипендии, и за несколько месяцев, не отвлекаясь никем, завершил свой труд [11, с. 152]. Янжул неоднократно заострял внимание на том, что его интеллектуальный труд не был бы таким продуктивным без поддержки жены, начиная от переписывания каллиграфическим почерком, зачастую по нескольку раз, его текстов и заканчивая их фактическим соавторством. При этом он был вынужден включать в рабочий график написание статей для журналов во имя благоприятного финансового состояния семьи. Работу в уединении, особенно в сельской местности, предпочитали не имевшие материальных проблем Б. Н. Чичерин и М. М. Ковалевский, принадлежавшие к разным поколениям и весьма критично относившиеся друг к другу с профессиональной точки зрения [3, с. 237; 9, с. 226; 10, с. 126–128]. При этом деятельность Ковалевского в значительной степени облегчалась тем, что он имел возможность нанимать себе секретарей, причем очень высокого уровня, вплоть до докторов наук [3, с. 259].

Как все интеллектуалы, юристы ценили любое свободное время, которое давало возможность уединиться в обществе своих книг и бумаг. Ковалевский в своих лондонских воспоминаниях отмечал: «Воскресенье они обычно проводят в тесном семейном кругу и не ждут к себе гостей. Это прибавляло лишний день в неделю к моим занятиям» [3, с. 168]. Л. А. Камаровский также использовал выходные и праздничные дни для посещения библиотеки или для работы над статьями. Из-за нехватки времени на научную и публицистическую деятельность в течение учебного года он старался интенсивно работать летом. Так же поступил И. И. Янжул, когда стал сотрудником «Критического обозрения», издаваемого М. М. Ковалевским: «В течение двух летних вакатов, проведенных, благодаря нездоровью жены, в деревне у ее родителей в Старицком уезде Тверской губернии, я легко и удобно выбрал из всех русских изданий множество выписок и сведений, относящихся к фабрикам. Переработав эти данные, приведя их в порядок и сопоставив должным образом с соответствующими фактами английской фабричной жизни, я составил целый ряд довольно интересных и, во всяком случае, поучительных для того времени статей об общем санитарном состоянии русских фабрик, а также положении у нас бесправном и беззащитном детей и женщин, и вообще рабочих, и, одновременно, об успехе и постоянном прогрессе английского законодательства» [11, с. 186–187]. Очевидно, что для интеллектуального труда юристы жертвовали отдыхом, что было вызвано и насущными материальными потребностями, и получением удовлетворения от самого исследовательского процесса.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 91. Л. 9 об.

Таким образом, воспоминания и дневники предоставляют обильный фактический материал, связанный с интеллектуальной деятельностью авторов, их друзей и соратников, а также членов семьи. В мемуарах нашли отражение те элементы умственного труда высокого уровня, без которых не была возможна успешная научная, публицистическая или бюрократическая карьера: работа в библиотеке, общение в кругу коллег и единомышленников и обобщение этих элементов в уединении кабинета, где и появлялись тексты, адресованные образованному обществу Российской империи и востребованные им.

Список литературы

1. Адоньева И. Г. Юридическая интеллектуальная элита Российской империи второй половины XIX – начала XX в.: проблемы идентификации // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. / под ред. М. К. Чуркина. Омск, 2015. Вып. 12. С. 3–10.
2. Бондаренко Е. А., Римский В. П. Интеллектуальный труд и духовное производство: философско-методологическая экспликация понятий // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, право. 2014. № 27 (173). С. 33–42.
3. Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М. : РОССПЭН, 2005. 784 с.
4. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. 1280 с.
5. Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX в. М. : Нов. хронограф, 2008. 304 с.
6. Ретина Л. П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время. М. : Аквилон, 2014. С. 7–20.
7. Сазонова Л. А. Повседневная жизнь университетского профессора Казани : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 27 с.
8. Флеровский Н. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. М. : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1898. 543 с.
9. Чичерин Б. Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 496 с.
10. Чичерин Б. Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 528 с.
11. Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М. : ГПИБ, 2006. 459 с.

«The Holidays Passed Like a Normal Day, Quiet and Caring. I Went to the Library»: the Structure Intellectual Activity of Lawyers in the Second Half of XIX – Early XX Century

I. G. Adoneva

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

Abstract. The article is devoted to the organization of intellectual work associated with the creation of scientific and scientific-journalistic texts by lawyers, which makes it possible to refine the circumstances of their writing. Based on the analysis of the memoir heritage, such components of professional intellectual activity as work in Russian and European libraries, at home, as well as communication with close colleagues on professional topics are considered. Professional work of intellectuals in the period under review had both «ideal» features associ-

ated with the need for it, and generated by the need to receive remuneration for it, which affected its organizational structure.

Keywords: russian history of the XIX century, intellectual activity, scientific work, lawyers, periodicals, memoirs.

For citation: Adoneva I.G. «The Holidays Passed Like a Normal Day, Quiet and Caring. I Went to the Library»: the Structure Intellectual Activity of Lawyers in the Second Half of XIX – Early XX Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 27, pp. 19-26. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.27.19> (in Russian)

References

1. Adoneva I.G. Yuridicheskaya intellektualnaya ehlita Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.: problemy identifikatsii [Low intellectual elite in the second half of XIX – early XX centuries: the problems of identification]. *Voprosy istorii Sibiri: sbornik nauchnykh statey* [Problems of Siberian History: collection of scientific articles]. Ed. M.C. Churkin. Omsk, 2015, vol. 12, pp. 3-10 (in Russian)
2. Bondarenko E.A., Rimskiy V.P. Intellektualnyy trud i dukhovnoye proizvodstvo: fi losofsko-metodologicheskaya eksplikatsiya ponyatiy [Intellectual labor and mental production: philosophical and methodological explication of notions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofi ya, sotsiologiya, pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series Philosophy Sociology Law], 2014, no 27 (173), pp. 33-42 (in Russian)
3. Kovalevskiy M.M. *Moya zhizn. Vospominaniya* [My life. Memories]. Moscow, Rossspan Publ., 2005, 784 p. (in Russian)
4. Collins R. *Sotsiologiya filosofiy. Globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk, Sibirsky Chronograf Publ., 2002, 1280 p. (in Russian)
5. Niks N.N. *Moskovskaya professura vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Moscow professorship in the second half of XIX – early XX centuries]. Moscow, Novy Chronograf Publ., 2008, 304 p. (in Russian)
6. Repina L.P. Intellektual'naya kultura kak predmet issledovaniya [Intellectual culture as a subject of study]. *Idey i lyudi: intellektual'naya kultura Evropy v Novoye vremya* [Ideas and people: intellectual culture of Europe in modern times]. Ed. L. P. Repinoy. Moscow, Akvilon Publ., 2014, pp. 7-20 (in Russian)
7. Sazonova L.A. *Povsednevnyaya zhizn' universitetskogo professora Kazani* [Everyday life of Kazan university professor. Extended abstract of candidate's thesis]. Kazan, 2009, 27 p. (in Russian)
8. Flerovskiy N. *Tri politicheskie sistemy: Nikolay I, Aleksandr II i Aleksandr III* [Three political systems: Nicholas I, Alexander II and Alexander III]. Moscow, I.N. Kuchnerev Publ., 1898, 543 p. (in Russian)
9. Chicherin B.N. *Vospominaniya* [Memories. In 2 books]. Moscow, Sobachnikov Publ., 2009, book 1, 496 p. (in Russian)
10. Chicherin B.N. *Vospominaniya* [Memories. In 2 books]. Moscow, Sobachnikov Publ., 2009, book 2, 528 p. (in Russian)
11. Yanzhul I.I. *Vospominaniya o perezhitom i vidennom v 1864–1909 gg.* [Memories about the experience and the seen in 1864–1909]. Moscow, GPIB Publ., 2006, 459 p. (in Russian)

Адоньева Инесса Геннадьевна
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории и политологии
Новосибирский государственный
технический университет
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр-т
К. Маркса, 20
тел.: 8 (383) 346-33-12
e-mail: adoinessa@yandex.ru

Adoneva Inessa Gennadiyevna
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of History
and Political Sciences
Novosibirsk State Technical University
20, K. Marx av., Novosibirsk, 630073,
Russian Federation
tel.: 8 (383) 346-33-12
e-mail: adoinessa@yandex.ru